

Отец Андрей Колесников

У НИХ, МОЖНО СКАЗАТЬ, И ВЫБОРА-ТО НЕ БЫЛО:
СРАЗУ СТАЛИ ПИНАТЬ И ТАК НЕ ДОДЕЛАННОГО СНЕГОВИКА

МЫ РАНО приехали в аэропорт Венеции и ждали вылета в Москву (о том, как происходил этот трагический вылет, я рассказывал в прошлом номере «Огонька»). Мы с Ваней сначала брали тележку, потом долго гуляли по аэропорту. Он рассказывал мне свою жизнь, и я понимал, что рождественская неделя, проведенная с ними, неумолимо, невыносимо заканчивается и что впереди — рваная московская жизнь с какой-то вечной пеленой перед глазами, когда ты смотришь на своих детей, разговариваешь с ними и почти никак не замечаешь, просто не успеваешь заметить. И я думал, что вот опять все это начнется, и было как-то тоскливо. Мне кажется, и Ваня чувствовал что-то такое же. По крайней мере, он не задавал лишних вопросов, но просто говорил со мной и, такое впечатление, не мог наговориться. И то, о чем он рассказывал, не было ведь какими-то пустяками.

— Папа, а ты в детстве дрался? — спросил он меня.
Дрался ли я? На ответ могли уйти недели, месяцы... Короче, даже на лодочных веслах дрались.
— Было, — сдержанно ответил я. — А ты?
— А я не только в детстве, — сказал он. — Я перед тем, как Дед Мороз нам поездку в Италию подарил, подрался.

— Расскажешь? — спросил я.
— Конечно, — ответил он.
Он с другом в школе на продленке лепил снеговика. И они уже скатали два снежных кома. Тут и появился этот парень, его одноклассник, который в школу пришел только прошлой осенью. Мне Ваня раньше про него ничего не говорил, но то, что рассказал теперь, взбесило меня. Оказывается, все родители уже писали заявления директору про него, и я, конечно, не буду рассказывать, что это за мальчик и как ведет себя, но можно себе представить. В каждой школе есть такой мальчик, из-за которого из школы уходит воспитательница класса, а классный руководитель ходит к психотерапевту. Но обычно недолго это продолжается, такие мальчики, как правило, в конце концов рас-

стаются со школой. Вернее, школа расстается с ними.

Ваню, впрочем, этот мальчик до сих пор по-серьезному не трогал. Может, понимал, что не зря же Ваня уже три года занимается ушу и джиу-джитсу. Наверняка понимал.

А тут произошло следующее. Ваниного дружка родители забрали в бассейн, и Ваня сам достраивал снеговика. Тут и подошел паренек вместе с еще четверьмя. Один — тоже третьеклассник, как Ваня, а еще трое — второклассники. У них, можно сказать, и выбора-то не было: сразу стали пинать и так не доделанного снеговика. Ваню пока не пинали.

Он попросил их не делать этого. Потом еще раз попросил. Он понимал, конечно, что это бессмысленно. Но и один против пятерых — в этом тоже как-то не очень много смысла.

И он подошел к воспитательнице. Это была новая воспитательница, она пришла недавно, после того, как из-за этого мальчика уволилась другая. Ваня попросил ее, чтобы она прекратила все это. От снеговика и так уже мало чего осталось, они добивали его.

— Нет, — сказала она, — я не собираюсь в это вмешиваться.

Когда мне Ваня рассказал про это, я даже сначала не поверил. Но потом, когда разбирался, уточнял в школе: так все и было.

— Она еще что-нибудь сказала? — уточнил я у Вани.

— Конечно, сказала. Она сказала: «Я вмешиваться не буду». А я спросил: «А что же мне делать?» А она сказала: «А делай что хочешь».

Ваня кивнул и побежал к разрушителям. Он рассчитал все правильно: надо было начинать с главного. И он без лишних слов вдарил ему. Тот выше и потучнее Вани, и стал жертвой собственного веса, который до сих пор навел страх не только на девочек, но и мальчиков этого класса.

В общем, главный рухнул в снег. Ваня понимал, что останавливаться нельзя ни на секунду, и занялся вторым третьеклассником.

— Но их же пятеро, — с недоумением сказал я и представил себя на месте Вани.

Не факт, что я поступил бы так же. Ох, не факт. Хотя не знаю... Ну, в общем...

— Папа, — успокоил меня Ваня, — да со вторым тоже проблем не было. Там проблема возникла со второклашками. Их трое, и они начали меня со спины пинать. А они тоже джиу-джитсу занимаются. Но потом я к ним повернулся, и они побежали.

— Но ведь, наверное, главный уже встал? — нервно спросил я.

— Встал, — подтвердил Ваня.

— Папа, — сказала Маша, к которой мы уже к этому времени подошли, — представляешь, он может просто навалиться на тебя, и ты ничего не сделаешь! Он так обычно и наваливается!

— Но он не стал наваливаться, — сказал Ваня, поправляя очки. — Он слишком долго думал. И я его молотить начал.

— Ты же мог очки разбить! — вздрогнул я.

— Не мог, — пожал он плечами. — Я когда к ним побежал, успел очки снять и в карман положить. Я их только раздавить мог. Но главное, что осколки в глаза не попали бы. Я подумал об этом.

Я представил себе Ваню, этого ласкового как теленок пацанчика, который бежит на пятых за то, что они растоптали что-то лучшее на снегу и в его душе, на ходу снимая очки... Комок встал в моем горле. По-моему, я еще никогда так не гордился своим сыном.

— И что?

— Ну, я его по лицу старался не бить, просто в корпус. Он тоже отбежал. Потом воспитательница крикнула, чтобы я шел в класс. Я пошел. Позавчера тот паренек в столовой, как обычно, набирал в рот кофе и плевался им во всех подряд. На луже, которая появилась на полу, поскользнулся семиклассник, упал и разбил голову.

— Ваня, — спросил я, — а к тебе он после этого подходил?

— Почему-то нет, — ответил Ваня. — Он же прямо за мной сидит. Иногда раньше карандашом тыкал и говорил, что это не он. А теперь не тыкает. Поспокойней в чем-то стал.